

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-199-208

© Д. А. Луговская

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ В 1905–1907 ГОДАХ: СТРАТЕГИЯ КРИТИКА И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ

В. Ф. Ходасевич известен не только как поэт, но и как критик, один из наиболее заметных авторов русской эмиграции. Хотя важнейшие рецензии и очерки были написаны им в 1920–1930-х годах, необходимо обратить внимание на начало его пути. Создание первых рецензий совпало с периодом поэтического «ученичества» Ходасевича, получения признания в писательских кругах и своего места в литературном поле. Уже в автобиографии 1915 года,¹ перечисляя значимые рецензии, он не назовет ни одну из написанных до 1914 года. Несмотря на явную вторичность, статьи 1905–1907 годов кажутся нам важными в свете формирования репутации и эстетических взглядов критика.

В начале своего литературного пути Ходасевич тяготел к лагерю символистов, наиболее авторитетным современным литератором для него был В. Я. Брюсов. В мемуарах о В. Гофмане поэт вспоминал об отношении уже третьего поколения символистов к «мэтру» в начале 1900-х годов: «Перед Брюсовым Гофман благоговел, как мы все когда-то благоговели».² На явное влияние литературного редактора «Весов» на раннюю поэзию Ходасевича в научной литературе неоднократно указывалось.³ «Ученичество» Ходасевича, желание занять свое место в лагере символистов проявлялось не только в стихотворных опытах, но и в первых рецензиях.

Начинающий критик принадлежал к категории литераторов, которых Н. И. Петровская называла «мальчиками» Брюсова:⁴ в их числе можно упомянуть Н. С. Гумилева, Муни (С. Я. Киссина), Б. А. Садовского. О влиянии Брюсова на их поэтические опыты хорошо известно, но особенности рецепции эстетических взглядов «мэтра» и его критического стиля пока остаются малоисследованными.⁵ Тем более интересно, как произошло становление Ходасевича — в будущем крупного критика. Ходасевич публиковался в журналах «Искусство», «Золотое руно», «Перевал». В ряду изданий 1900-х годов они конкурировали с «Весами», и многие темы рецензий Ходасевича дублируют критические очерки Брюсова, посвященные третьестепенным авторам. Восемь из четырнадцати рецензий, написанных Ходасевичем в 1905–1907 годах, были опубликованы под псевдонимом «Сигурд». В статье мы проанализируем внутрилитературные обстоятельства, с которыми связывается появление этого псевдонима, — позиция ученика и, одновременно, оппонента Брюсова (насколько эта характеристика применима к начинающему литературному критику) является важнейшим из них. Представляется, что, определив тактику использования псевдонима, можно нюансировать не только особенности сотрудничества Ходасевича с периодикой первого десятилетия XX века, но и то, как он взаимодействовал с поэтикой критики Брюсова,⁶ как

¹ Автобиография написана 23 апреля 1915 года для П. Я. Заволокина (см.: РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 2).

² Ходасевич В. Ф. Виктор Гофман. К двадцатипятилетию со дня смерти // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 286.

³ См., например: Успенский П. Ф. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014. С. 59–72; Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989. С. 5–48 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 373, 383.

⁵ Исключение составляет изучение Гумилева-критика, см.: Чабан А. Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018.

⁶ На двойственность позиции начинающего автора, занимаемой по отношению к Брюсову, в своих комментариях к переписке Ходасевича указала И. П. Андреева: «Оглядка на В. Брюсова угадывается в любом замысле Ходасевича этих лет, он ученик-бунтарь» (Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 603).

формировался его язык и стиль, как складывалась его литературная репутация в годы работы над первым поэтическим сборником «Молодость». В наши задачи также входит определить, как взгляды Ходасевича коррелировали с политикой того издания, в котором он печатался.

1

В 1905 году Ходасевич написал первые рецензии для журнала «Искусство»,⁷ где секретарем состоял В. В. Гофман,⁸ а место редактора занял Сергей Кречетов (С. А. Соколов), глава издательства «Гриф», объединявшего многих начинающих поэтов-символистов. Между «Весами» и «Искусством», а позже — и «Золотым руном» существовали известные в литературном мире разногласия, которые можно свести к неприятию Брюсовым эпитонства авторов и сравнительно низкого культурного уровня литературного отдела. Об этом в мемуарах упоминал и сам редактор «Весов»: «Как это часто бывает в родственных группах, между двумя издательствами и редакциями существовало некоторое соперничество и род антагонизма».⁹

В «Искусстве» печатались тексты молодых авторов, которых привлекал к сотрудничеству Гофман. Среди них — семь критических очерков Ходасевича, два из которых напечатаны под псевдонимом «Сигурд» — в рецензии на «Стихотворения» Тана (В. Г. Богораза) он появился впервые. Этим псевдонимом Ходасевич подписывал большинство рецензий 1900-х годов, о его генезисе упомянем ниже. Безусловно, как заметил А. В. Лавров, Ходасевич пользовался псевдонимом отчасти по рациональным соображениям и для видимости наполнения журнала материалами разных сотрудников.¹⁰ К примеру, в № 5/7 журнала появились четыре очерка Ходасевича: два под его именем и два под псевдонимом. Но, как кажется, в выборе рецензий, печатаемых не под настоящим именем автора, прослеживается определенная закономерность, продиктованная не только лишь прагматическими соображениями. Журнал «Искусство» был задуман редакторами как противостоящий эстетическим взглядам «Весов» (здесь сыграло важную роль и соперничество между Соколовым и Брюсовым). Можно предположить, что Ходасевич, начиная литературную карьеру, делал ставку на авторитет Сергея Кречетова. Поэтому, обозначая принадлежность к кругу литераторов, близких издателю, он публиковал рецензии со своей подписью. Если же Ходасевич совпадал с оценкой Брюсова, то мог подписывать очерки псевдонимом, поддерживая установленный в литературных кругах взгляд на журнал. Таким образом, в «Искусстве» и «Золотом руне» Ходасевич был поэтом и критиком из лагеря Соколова, часто полемизирующим с «Весами», а Сигурд — рецензентом, повторяющим суждения «мэтра».¹¹ В свете этого важно отметить, что Ходасевич связывал создание репутации поэта-символиста и критика только с текстами, подписанными своим именем, и, как покажем далее, в первых рецензиях подчеркивал близость взглядам Соколова.

⁷ В 1905 году вышло восемь номеров журнала, затем он перестал существовать по финансовым причинам. Значительная часть редакции перешла в новое издание — «Золотое руно». Подробнее см.: Лавров А. В. «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 457–459.

⁸ См.: Ходасевич В. Ф. Виктор Гофман. К двадцатипятилетию со дня смерти // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 285–291; Лавров А. В. Виктор Гофман: между Москвой и Петербургом // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 193–222.

⁹ Брюсов В. Я. Мои воспоминания о Викторе Гофмане // Брюсов В. Я. Среди стихов, 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 512.

¹⁰ Лавров А. В. «Золотое Руно». С. 457. О финансовых обстоятельствах Ходасевича см.: Шубинский В. И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. М., 2012. С. 121–122 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

¹¹ Сходную практику работы с псевдонимами описывает М. С. Макеев, говоря о Н. А. Некрасове в 1840 году, см.: Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008. С. 34–40.

Тексты Сигурда писались, во-первых, для дополнительного заработка, как типичная для журнальной работы «литературная поденщина». Во-вторых, для автора они могли служить удобным способом для экспериментов с собственным положением на литературном поле — перед выходом «Молодости» эстетические взгляды Ходасевича и Сигурда поменяются местами.¹²

Приведем несколько примеров. Разгромная рецензия Ходасевича (в этот раз — «Сигурда») на «Стихотворения» Тана совпадает с оценкой «Весов». Так, Брюсов в рецензии назвал поэзию Тана «рифмованными упражнениями не очень грамотного и далеко не образованного человека»,¹³ так же «Стихотворения» оценил и Ходасевич: «О стихах г. Тана с внешней стороны говорить не приходится. Скиталец — пишет лучше». ¹⁴ Можно обратить внимание не только на совпадение в оценке поэзии, но и на сходство структуры рецензии. Ходасевич строил свой текст, явно имея в виду «образец»: он следовал от оценки недостатков поэзии, ее подражательности, к заключительному пассажи: «Для тех, кто идет, не отступая, есть иные, более благородные, хотя порой менее безопасные способы, чем дозволенное цензурой насилие над искусством...».¹⁵ Той же мыслью завершил свой критический очерк и Брюсов: «А пересказывать своими словами наивные стихи Надсона <...> вовсе не значит „служить“ какому-то освободительному делу, а просто — мазать кистью по заготовленному трафарету».¹⁶ Подобный пассаж и у Ходасевича, будущего автора статьи о Надсоне, может прочитываться как отсылка к творчеству этого поэта и к гражданственной поэзии второй половины XIX века в целом. Под этим текстом критик не поставил своего имени, видимо, из-за необходимости соответствовать политике издания.

Приведем пример противоположной стратегии. В рецензии на «Литургию красоты. Стихийные гимны» К. Д. Бальмонта Ходасевич ссылается на отзыв Брюсова на первый том «Собрания стихов» и «Литургию красоты», появившийся месяцем ранее в «Весах»:¹⁷ «...Бальмонту тщается указать его „истинные пути“, вернуть к „нежным напевам“...»¹⁸ Высказывая суждение о поэзии Бальмонта, открыто противоречащее позиции «Весов», Ходасевич не использовал псевдонима. Интересно, что эстетическим ориентиром для начинающего критика все же оставался Брюсов, хотя в этом случае он и оспаривает позицию мэтра. В письме А. Я. Брюсову Ходасевич упоминал об этой рецензии: «Стихи его (В. Я. Брюсова. — Д. Л.) очень хороши <...> Впрочем, я с ним (пока — между нами) — затеваю полемику, вне чистой литературы. Как и что — объяснять долго, но советую тебе прочесть в № 4 „Весов“ его заметку о „Литургии Красоты“, а после, когда выйдет № 5 „Искусства“ — в нем мою заметку о том же...»¹⁹ Как кажется, Ходасевич имел в виду «полемику» не только на уровне оценочных суждений, но и на уровне языка рецензии. В этом очерке он воспроизводил модель импрессионистической рецензии, характерную для Бальмонта-эссеиста.²⁰ Рядом с этой рецензией опубликована статья

¹² Используя термины «литературное поле», «символический капитал», мы опираемся на работу П. Бурдьё «Поле литературы», см.: Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87. Понятие «литературная репутация» взято из монографии И. Н. Розанова «Литературные репутации», см.: Розанов И. Н. Литературные репутации. М., 1990. Здесь же стоит отметить, что между взглядами ученых заметны очевидные пересечения.

¹³ Брюсов В. Я. Тан. Стихотворения // Весы. 1905. № 5. С. 44–45; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 146.

¹⁴ Сигурд [Ходасевич В. Ф.]. Тан. Стихотворения // Искусство. 1905. № 5/7. С. 169–170; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2. Критика и публицистика (1905–1927). С. 28.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Брюсов В. Я. Тан. Стихотворения // Весы. 1905. № 5. С. 44–45; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 147.

¹⁷ Брюсов В. Я. К. Бальмонт. Собрание стихов, т. I; К. Бальмонт. Литургия Красоты // Весы. 1905. № 4. С. 50–52; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 14.

¹⁸ Ходасевич В. Ф. К. Д. Бальмонт. Литургия Красоты. Стихийные гимны // Искусство. 1905. № 5/7. С. 164–165; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 26.

¹⁹ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 379.

²⁰ Таким же языком будут написаны рецензии 1906 года на 7-й, 10-й и 11-й сборники товарищества «Знание», «Тяжелые сны» Ф. Сологуба. Известно, что Брюсов решительно не

о «Нижегородском сборнике»:²¹ хотя Ходасевич подписывает ее своим именем, в ней практически повторяется содержание рецензии Брюсова, но без прямых цитат.²²

Следующий текст — рецензию на «Мрак» Арнольда Ариэля в № 8 «Искусства» — Ходасевич подписал своим именем, и нам он интересен как пример, эксплицирующий отношения между литературными редакторами «Весов» и «Искусства». В № 3 «Весов» Соколов рецензировал книгу стихов и рассказов «Долой женщин!» того же автора, а в № 7 появился отзыв Брюсова о «Мраке».²³ Ходасевич же в своей статье отметил, что первую книгу автора рецензировал С. Кречетов, но не назвал статьи Брюсова,²⁴ поскольку упоминание рецензии ведущего критика не могло появиться на страницах журнала, редактор которого полемизирует с «Весами» и решительно настроен против мэтра.

В начале 1906 года Соколов стал главой литературного отдела «Золотого руна», нового журнала, в который перешел и Ходасевич. Издание финансировал Н. П. Рябушинский — многие свидетели эпохи и исследователи упоминали о скептическом отношении к этому меценату в литературных кругах;²⁵ полемика между «Весами» и «Золотым руном» исчерпывающе полно изучена,²⁶ поэтому отметим лишь наиболее важные для нашей темы факты. «Золотое руно», литературным отделом которого руководил Соколов-Кречетов, придерживалось тех же литературно-эстетических взглядов, что и «Весы». Как объявлялось в первом номере, одна из задач журнала — «с особенной чуткостью и вниманием» отнестись к «молодым дарованиям».²⁷ С первых же выпусков установилось общее мнение о том, что печатающиеся в издании С. Кречетова начинающие авторы (Ходасевич, С. Городецкий, С. Ауслендер, П. Потемкин, М. Волошин)²⁸ не привнесут в литературу ничего нового. Журнал считали неприятной, безвкусной копией «Весов». Подчеркнем, что такая оценка могла сложиться и по прагматическим причинам. Сам Соколов видел истинную причину конфликта не в слабости литературного отдела издания, а в утрате «Весами» положения единственного символистского ежемесячного журнала: «...слишком уж недвуусмысленно звучит в их словах нота оскорбленного монополизма».²⁹

После ухода Соколова Рябушинский предложил место редактора Брюсову, надеясь, что его издательский опыт поможет упрочить позиции «Золотого руна».³⁰ Мэтр разделял общее мнение о «вторичности» журнала: в апреле 1906 года в письме Д. С. Мережковскому он сделал совершенно определенное заключение: «„Золотое Руно“, кажется мне, безнадежно».³¹

принимал поэтику публицистики Бальмонта: «Это, конечно, не критика, а поэтические картины» (Лит. наследство. 1991. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 1. С. 96).

²¹ Ходасевич В. Ф. Нижегородский сборник // Искусство. 1905. № 5/7. С. 171–172; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 28–29.

²² Брюсов В. Я. Сборник товарищества «Знание» на 1904 г. Кн. IV и V; Нижегородский сборник // Весы. 1905. № 4. С. 47–50; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 140.

²³ Брюсов В. Я. Арнольд Ариэль. Мрак // Весы. 1905. № 7. С. 59–60; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 155–156.

²⁴ Ходасевич В. Ф. Арнольд Ариэль. Мрак // Искусство. 1905. № 8. С. 78–79; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 29.

²⁵ См.: Ходасевич В. Ф. О меценатах // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 330–331.

²⁶ См.: Лавров А. В. «Золотое Руно». С. 459–485; Богомолов Н. А. К истории «Золотого Руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 41–83.

²⁷ От редакции // Золотое руно. 1908. № 1. С. 99.

²⁸ Лавров А. В. «Золотое Руно». С. 457.

²⁹ Кречетов С. Апологеты культуры // Золотое руно. 1906. № 3. С. 131.

³⁰ В декабре 1905 года Соколов писал Брюсову: «Николаю Павловичу Рябушинскому хотелось бы познакомиться с Вами. Если Вы разрешите, мы приедем к Вам вместе с ним завтра, в 1 час дня» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 16). Андрей Белый в книге «Между двух революций» вспоминает о сотрудничестве с журналом следующим образом: «Рябушинский <...> держал Соколова в заведующих литературным отделом; последний едва уломал сотрудничать Брюсова и меня» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 98).

³¹ Лавров А. В. «Забытые» фрагменты переписки Брюсова и Мережковского // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 214.

Роскошное двуязычное издание Рябушинского восприняли настороженно-скептически, устная критика быстро перешла на страницы «Весов». Уже в № 2 в статье «Золотое руно» за подписью «Товарищ Герман» (автором рецензии была З. Н. Гиппиус) говорилось об «обетшавшем декадентствовании» журнала.³² В № 3 «Золотого руна» последовала ответная реплика С. Кречетова,³³ и в № 5 «Весов» — еще одна рецензия Товарища Германа (на этот раз В. Я. Брюсова), справедливо подчеркивавшего напыщенность стиля статьи «Апологеты искусства».³⁴ Полемика продолжалась до 1909 года, но ее развитие для нас не столь важно: с лета 1906 года и Кречетов, и Ходасевич уже не сотрудничали в «Золотом руне».

В 1906 году появилось шесть рецензий Ходасевича. В первом и втором номерах журнала было напечатано по одной рецензии, которые автор подписал своим именем.³⁵ Политика «Золотого руна» близка «Весам», и в двух первых рецензиях Ходасевича пока еще нет оценок, противоречащих брюсовским: псевдоним «Сигурд» появился только в третьем номере, выход которого совпал с началом открытой полемики с «Весами» — им подписаны три рецензии.³⁶ В этом издании рецензии Ходасевича снова соответствовали эстетическим установкам Соколова-Кречетова. В частности, последний советовал Ходасевичу написать рецензию на поэтический сборник С. Головачевского «Мене текел фарес» «серьезную и без глума, хотя в общем, конечно, отрицательную <...> Хорошо бы взять общую мысль, что есть „стихотворство“ (фабрикация стихов), а есть „поэзия“ — но это вещи разные».³⁷ В том же ключе была написана короткая рецензия Брюсова — Соколов руководствовался ей, давая рекомендации Ходасевичу. Интересно и прямое текстуальное совпадение — Ходасевич писал о Головачевском: «Стих заполняется словечками вроде „все“ и „уж“»³⁸ — это предложение было взято им из рецензии Брюсова на стихи Тана, о которой мы писали выше, и показывает, сколь внимательным читателем Брюсова был Ходасевич.

Единственный раз Ходасевич отклонился от избранной им стратегии в рецензии на «Полное собрание стихотворений» Д. Ратгауза,³⁹ последнем тексте, напечатанном им в «Золотом руне». Он предпослал статье эпиграф из «Urbi et Orbi» Брюсова и использовал в тексте цитату из его стихотворения «Отвержение» (1903): «заветный хлам».⁴⁰ Рецензия с явными отсылками к поэзии Брюсова, фактически повторявшая его критические суждения о Ратгаузе, появилась за подписью автора без псевдонима — несмотря на оживленную полемику между журналами Ходасевич, по-видимому, декларировал ученическую позицию по отношению к «мэтру» и, в какой-то мере, ориентацию на его критику.

Подведем промежуточные итоги. Начиная карьеру литературного критика в журналах «Искусство» и «Золотое руно», редактируемых Соколовым-Кречетовым, Ходасевич

³² *Товарищ Герман* [Гиппиус З. Н.]. Золотое руно // Весы. 1906. № 2. С. 81–83.

³³ *Кречетов С.* Апологеты культуры // Золотое руно. 1906. № 3. С. 131–132.

³⁴ *Товарищ Герман* [Брюсов В. Я.]. Золотому руно // Весы. 1906. № 5. С. 88.

³⁵ *Ходасевич В. Ф.* Сборник Товарищества «Знание». Книга VII // Золотое руно. 1906. № 1. С. 154–155; ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 31–32; *Ходасевич В. Ф.* Федор Сологуб. Тяжелые сны // Золотое руно. 1906. № 2. С. 130–131; ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 33–34.

³⁶ *Сигурд* [Ходасевич В. Ф.]. 1) И. Ф. Анненский. Книга отражений // Золотое руно. 1906. № 3. С. 137–138 (ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. 34–35); 2) VIII Сборник Товарищества «Знание»; IX Сборник Товарищества «Знание» // Золотое руно. 1906. № 4. С. 111–112 (ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 35–36); 3) С. Головачевский. «Мене текел фарес» (Стихотворения) // Золотое руно. 1906. № 5. С. 92–94 (ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. 38–40).

³⁷ Цит. по: *Брюсов В. Я.* Среди стихов. С. 677.

³⁸ *Ходасевич В. Ф.* С. Головачевский. «Мене текел фарес» // Золотое руно. 1906. № 5. С. 93; ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 39.

³⁹ *Ходасевич В. Ф.* Д. Ратгауз. Полное собрание стихотворений. 2 тома // Золотое руно. 1906. № 4. С. 112–113; ср.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 36–37.

⁴⁰ *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 320. «Заветный хлам витий» станет эпиграфом к стихотворению «Старинные друзья» в сборнике «Молодость», см.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 42.

акцентировал свою принадлежность к кругу этих изданий и подчеркивал несогласие с эстетическими взглядами Брюсова. Последний номер «Золотого руна» и следующий издательский проект Соколова заставляют предположить, что критик радикально меняет стратегию: теперь он будет подчеркивать ориентацию на эстетические взгляды Брюсова, а не на политику редактора журнала. Возможно, важную роль в этом сыграли и прагматические обстоятельства: Ходасевич, более года сотрудничая в периодических изданиях, не мог не заметить, что литературная часть журналов Соколова значительно уступает «Весам», поэтому не следует делать ставку на его сомнительный авторитет в символистских кругах.

2

Описав стратегию Ходасевича — оппонента, а затем — ученика Брюсова, вернемся к вопросу о генезисе псевдонима «Сигурд». Ю. Колкер упоминал, что поэт заимствовал псевдоним из драмы З. Красинского «Иридион» (Сигурд — второе имя главного героя, грека Иридиона⁴¹) — за ним, по мысли эссеиста, угадывается интерес Ходасевича к польской классике и напоминание о польских корнях.⁴² Позже, в 1910 году, поэт перевел «Иридиона» и опубликовал с собственным предисловием, а через два года планировал издать собрание сочинений Красинского.⁴³ Рассуждая о генезисе псевдонима Ходасевича, необходимо пояснить, во-первых, почему в «Иридионе» появляется отсылка к скандинавской мифологии, во-вторых, как псевдоним соотносится с символистскими культурными кодами.

Говоря о генезисе псевдонима, недостаточно упомянуть, что он взят из «Иридиона» З. Красинского. Необходимо указать, почему Ходасевич использует не псевдоним «Иридион», прямо указывающий на польские корни критика, а подписывается как «Сигурд» — выбор такого имени требует обращения к сюжету пьесы и литературному контексту 1900-х годов. В центре сюжета «Иридиона» — борьба христиан против античного Рима, аллегорически изображающая борьбу Польши с завоевателями, польское восстание 1830–1831 годов. Главный герой, Иридион, — сын грека и жрицы Одина, его родословная символизирует союз языческого мира и будущих христиан.⁴⁴ По мнению Стефана Моравского, Красинский обращается к скандинавской мифологии потому, что в Польше не было традиционного для европейских государств культа римской античности, которая идентифицировалась с деспотией, и польские авторы искали истоки культуры в скандинавской древности.⁴⁵

Если прибегнуть к психологическому объяснению генезиса псевдонима «Сигурд», то можно предположить, что выбор имени главного героя, борющегося с завоевателями-римлянами, переносит сюжет драмы на современную литературную почву: грек Иридион-Сигурд и римлянин Брюсов.⁴⁶ Используя этот псевдоним, а не, к примеру, «Иридион», Ходасевич имел возможность не только указать на свои польские кор-

⁴¹ Ср.: «...назвала тебя именем деда: „Сигурд, будь грозой гордых“...» (Красинский З. Иридион / Пер. с польского и предисловие В. Ходасевича. М., 1910. С. 24).

⁴² Колкер Ю. Айдесская прохлада: Очерк жизни и творчества В. Ф. Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Собр. стихов: В 2 т. Paris, 1983. Т. 2. С. 287.

⁴³ Козляков В. Владислав Ходасевич и Зыгмунт Красинский // Начало века: Из истории международных связей русской литературы. СПб., 2000. С. 320–327.

⁴⁴ *Lednicki W. Blok's «Polish poem»: A Literary Episode in the History of Russian-Polish Relations* // Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. 1944. Vol. 2. № 2. P. 461–500.

⁴⁵ *Morawski S. Polish Theories of Art between 1830 and 1850* // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1957. Vol. 16. № 2. P. 217–236.

⁴⁶ Для такого именования поэта достаточно вспомнить университетские увлечения Брюсова римской историей и литературой, один из его псевдонимов «Аврелий» и позднейшее определение М. И. Цветаевой «Брюсов был римлянином» (из воспоминаний «Герой труда», 1925), ставшее общеизвестным к середине 1920-х годов.

ни, но и обозначить положение «ученика-бунтаря» даже в тех случаях, когда разделял эстетические взгляды «мэтра». Это могло подчеркнуть, что он включен в круг авторов-символистов и считывает «жизнетворческий» подтекст. Важно отметить, что в середине 1900-х годов Ходасевич близко дружил с Н. И. Петровской и, как можно судить по «Некрополю», уже должен был знать о реальной основе сюжета романа Брюсова «Огненный ангел», о моделировании «мэтром» отношений с младшими поэтами.⁴⁷ Возможно, Ходасевич мог рассчитывать на то, что редактор «Весов» заметит эту модель, похожую на его собственную литературную игру, и как-либо отреагирует на публикации Ходасевича, — разумеется, этот прецедент повлиял бы на литературное имя начинающего критика, но этого не произошло — слишком велика была разница в положении между состоявшимся автором, редактором «Весов», и начинающим рецензентом.

Для Ходасевича значимым должно было быть и то, что скандинавский сюжет стал важной составляющей символистского жизнетворчества, одной из заметных тем в поэзии Брюсова и Бальмонта.⁴⁸ В 1890-х — начале 1900-х годов интерес к нему актуализировался из-за рефлексии над творчеством Р. Вагнера: к примеру, музыка этого композитора, его концепция «синтетического произведения» нового искусства обсуждалась на «Средах» Иванова, критиковавшего Брюсова за небольшой объем материалов о композиторе, появляющийся на страницах «Весов».⁴⁹ Псевдоним, таким образом, выполнял несколько функций: указывал на «иностранчество» Ходасевича и его интерес к польской литературе, и одновременно подчеркивал, что автор — символист, продолжатель поэтической традиции, понимавший негласные правила литературной игры Брюсова и культурный язык эпохи.⁵⁰

3

В июле 1906 года произошла ссора Соколова с Рябушинским.⁵¹ Соколов сделал свой уход из журнала громкой новостью в литературных кругах, разослав сотрудникам издания копии своего письма Рябушинскому с заявлением о выходе из «Золотого руна».⁵²

После ухода из «Золотого руна» Соколов основал журнал «Перевал», который согласился финансировать ярославский поэт В. Линденбаум.⁵³ В первом номере объявлялось

⁴⁷ См.: Лавров А. В., Гречишкин С. С. О работе Брюсова над романом «Огненный ангел» // Лавров А. В., Гречишкин С. С. Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб., 2004. С. 67–77. В этом контексте вспомним более раннее стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» 1904 года, в котором автор обращается к скандинавской мифологии, обыгрывая жизнетворческий сюжет.

⁴⁸ Перечислим некоторые стихотворения: «Царю северного полюса» (1898–1900), «Старый викинг» (1900) Брюсова, «У скандинавских скал» (1894), «Исландия» (1899), «Сигурд» (1903) Бальмонта (название последнего текста могло обратить на себя внимание Ходасевича). В «Скорпионе» публикуются переводы Г. Ибсена, К. Гамсуна и А. Стриндберга.

⁴⁹ Bartlett R. Wagner and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 118–119. См. также воспоминания А. Белого о том, как О. М. Соловьева интерпретировала его встречу с Мережковским в «вагнерианских» терминах: Белый — Зигфрид, который должен победить «вредоносного змия» Мережковского (Белый А. Начало века. М., 1990. С. 205–208).

⁵⁰ Добавим, что при этом наша реконструкция, конечно, не предполагает, что Брюсов должен был угадывать в критике Сигурде героя «Иридиона» Красинского, считывать дополнительный смысл псевдонима, связанного с сюжетом драмы. Скорее, скандинавского обертона в данном случае было достаточно для того, чтобы псевдоним маркировал символистские пристрастия критика.

⁵¹ Подробнее см.: Лавров А. В. «Золотое Руно». С. 467–468; Богомолов Н. А. К истории «Золотого Руна». С. 42–46.

⁵² Там же. С. 42.

⁵³ «Был у меня Линденбаум <...>, — сообщил Соколов Ходасевичу 12 июня 1906 года. — Осенью переезжает в Москву, имеет кое-какие самостоятельные деньги. Хочет издавать двухнедельный журнальчик, где сочетались бы и политика, и искусство. Просит меня устроить и наладить. Что ж? <...> Вообще полезно будет иметь под рукой „свой“ журнальчик» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 78). В мемуарном очерке «О меценатах» (1936) Ходасевич высказает суждения

о поддержке «вольного творчества в его борьбе с традицией и застывшим академизмом <...> вне всяких принудительных социальных форм».⁵⁴ По замыслу редактора политизированный «Перевал. Журнал свободной мысли» должен был противопоставить себя чисто-художественным «Весам» и «Золотому руну».⁵⁵ Однако обещанный журнал «с направлением» стал заурядным изданием, содержание критических рецензий на которое можно свести к суждению Н. М. Минского: «Грустно то, что этот журнал не только без программы, но и без всякого направления, т. е. как будто без всякой цели».⁵⁶

Вышло двенадцать номеров журнала «Перевал» (с ноября 1906-го по октябрь 1907 года), в них Ходасевич, секретарь издания, опубликовал только три рецензии. Этот небольшой материал иллюстрирует новую для критика закономерность работы. Если в «Искусстве» и «Золотом руне» он печатался под псевдонимом, соглашаясь в оценках с Брюсовым (исключение — вышеупомянутая рецензия о Ратгаузе), то в «Перевале» он ставил под рецензией свою фамилию, когда его мнение совпадало с позицией «мэтра». Сразу оговоримся: такой пример в «Перевале» только один — очерк о 10-м и 11-м номерах сборников Товарищества «Знание».⁵⁷ Конечно, в рецензиях на сборники «Знания» Ходасевич следует не только за Брюсовым, но и за общесимволистской традицией критики «знаньевцев». Подчеркнем, однако, сходство композиции этой рецензии и текста Брюсова о 10-й книге серии:⁵⁸ от разбора пьес Андреева автор переходит к «остальному содержанию „Сборника“» и завершает очерк анализом недостатков переводов из Э. Верхарна. Противоположный пример — рецензия Ходасевича на «Сонеты» А. Федорова. Ходасевич-Сигурд называет автора «несомненным талантом <...> хотя ему предстоит еще большая работа: освободиться от влияния Бунина»,⁵⁹ Брюсов же в своем критическом очерке говорит о многих недостатках сборника.⁶⁰

Эта рецензия станет последней напечатанной Ходасевичем в «Перевале». В конце 1907 года Ходасевич не публиковал рецензий в периодике. Возможно, одной из причин этого было окончание работы над книгой «Молодость» — в июле 1907 года он написал из Лидина Г. Малицкому: «Пишу порядочно <...> для книги, которую выпускаю, вероятно, в сентябре–октябре».⁶¹

4

В заключение рассмотрим смену траектории Ходасевича-критика и его писательских стратегий. На рубеже 1907–1908 годов Ходасевич напечатал несколько рецензий в провинциальных изданиях, одну из них, «О последних книгах К. Бальмонта», можно назвать первым текстом, где он позволил себе достаточно прямолинейно высказываться против Брюсова, но пока под псевдонимом. Предыдущие примеры

о Линденбауме и Соколове, несколько противоречащие его близости к «Грифу» в 1900-е годы (см.: Ходасевич В. Ф. О меценатах. С. 328–329).

⁵⁴ От редакции // Перевал. 1906. № 1. С. 3.

⁵⁵ Соколов сообщал в более раннем письме И. Ф. Анненскому (от 1 октября 1906 года): «...я вообще часто расхожусь с пониманием „олимпийцев“ из „Весов“, за что и предан там анафеме <...> за скобками „чистого“ искусства не таил политического реакционерства» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 363).

⁵⁶ Цит. по: Лавров А. В. «Перевал» // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 489 (письмо Н. М. Минского к Л. Н. Вилькиной от 7 января 1907 года).

⁵⁷ Ходасевич В. Ф. X Сборник Т-ва «Знание»; XI Сборник Т-ва «Знание» // Перевал. 1906. № 1. С. 50–52; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 41–45.

⁵⁸ Брюсов В. Я. Сборник «Знания», кн. X // Весы. 1906. № 6. С. 63; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 200–201.

⁵⁹ Сигурд [Ходасевич В. Ф.], А. Федоров. Сонеты // Перевал. 1906. № 1. С. 52; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 45.

⁶⁰ Брюсов В. Я. Иван Рукавишников. Стихотворения. Книга IV. Л. Вилькина-Минская. Мой сад. Сонеты и рассказы. А. Федоров. Сонеты // Весы. 1907. № 10. С. 69–73; ср.: Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 223.

⁶¹ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 380.

иллюстрируют скорее полемику на уровне отдельных утверждений, в этом же очерке «защита» Бальмонта стала весьма прямолинейной критикой «мэтра» Ходасевичем: «А между тем то, с чем разделяются „тонкие“ критики так модно и так жалко, — есть глубокая, большая и печальная трагедия...». Бальмонт «стал или, вернее, захотел стать певцом там, где другой поэт сумел бы остаться литератором. Предположим, Валерий Брюсов обратился бы, как Бальмонт, к народному русскому эпосу. Конечно, он решил бы свою задачу чисто литературно».⁶² Здесь Ходасевич к тому же имплицитно цитирует более раннюю рецензию Брюсова на сборник «Будем как солнце» (1903): «В жизни он „стихийный гений“ <...> в поэзии он раньше этого — литератор».⁶³

В 1908 году вышел первый поэтический сборник Ходасевича «Молодость». Дебютная книга для молодого автора — возможность превратиться из «ученика» в настоящего поэта-символиста.⁶⁴ «Молодость» получает несколько положительных откликов, в том числе и Брюсова.⁶⁵ Хотя выход книги изменил положение Ходасевича в литературном поле, его репутация была двусмысленной — Ходасевич принадлежал уже к третьему поколению символистов, и, по верному заключению С. Г. Бочарова, «„младший“ в его случае не так далеко от представлений о подражательности и почти эпигонстве».⁶⁶ Ходасевич переместился в круг «несколько более высокого уровня, и продолжает в нем вращаться приблизительно до революции»⁶⁷ — поясним, что поэт сблизился с более значимыми и известными впоследствии авторами — среди них Б. Садовской, Г. Чулков. Смена эстетических взглядов Ходасевича заметна в критике 1908–1910 годов и, отчасти, в стихотворениях «Счастливого домика» (1914).

По-видимому, попытка вписаться в круг символистов, выйти из положения «ученика» и третьестепенного поэта не удовлетворила Ходасевича, и рецензии, появляющиеся с 1908 года, можно рассматривать как постепенное удаление от критической поэтики «Весов» и «Грифа» (нужно отметить, что этот период совпал с упадком «Весов», прекращением издания «Перевала», но Ходасевич не примкнул к другим символистским журналам — например, не вернулся в «Золотое руно»). Прежде всего, он начал сотрудничать с периодическими изданиями, имеющими более широкую аудиторию, переключился на иного читателя: после появления «Молодости» Ходасевич публиковался в газетах «Руль» (с 1908 года), «Раннее утро» (с 1909 года), «Утро России» (с 1910 года). В этих изданиях псевдоним «Сигурд», если не ставший узнаваемым, то ассоциировавшийся с определенными изданиями круга символистов, появится только один раз.

Впервые Ходасевич высказал осторожную критику прозы Брюсова-поэта, подписав рецензию своим именем, в 1913 году в отзыве на сборник прозы «Ночи и дни. Вторая книга рассказов и драматических сцен».⁶⁸ Параллельно Ходасевич искал новый поэтический голос.

Проследив закономерность использования псевдонима «Сигурд» в критике Ходасевича 1905–1907 годов, мы можем под иным углом посмотреть на начало его литературной карьеры и пояснить, как он зарабатывал символический капитал, пытаясь

⁶² *Георгий Р-н* [Ходасевич В. Ф.]. О последних книгах К. Бальмонта // Южный край. 1907. 23 дек. № 9628; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 48–49.

⁶³ *Брюсов В. Я.* Бальмонт // Мир искусства. 1903. № 7–8; ср.: *Брюсов В. Я.* Среди стихов. С. 86.

⁶⁴ *Успенский П. Ф.* Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900–е гг. — 1917 г.). С. 42–46; *Богомолов Н. А.* Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 119–130.

⁶⁵ См.: *Тимофеев А. В.* Ходасевич // Руль. 1908. 23 апр. № 87. С. 3; *Гофман В.* Владислав Ходасевич. Молодость. Стихи 1907 г. // Русская мысль. 1908. № 7. С. 143; *Брюсов В. Я.* Дебютанты // Брюсов В. Я. Среди стихов. С. 260–265.

⁶⁶ *Бочаров С. Г.* «Памятник» Ходасевича // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 420–421.

⁶⁷ *Богомолов Н. А.* Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу. С. 120.

⁶⁸ *Ходасевич В. Ф.* Лед и пламень // Голос Москвы. 1913. 18 мая. № 114; ср.: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 111–113.

занять место в литературном поле. Известное мнение о том, что одним из «образцов» для начинающего автора была критика Брюсова, можно несколько нюансировать. В первых рецензиях в «Искусстве» и «Золотом руне» Ходасевич полемизировал с отдельными утверждениями «мэтра» и, отчасти, с обычным для критики Брюсова стилем, языком. Подписывая тексты своим именем, он старался соответствовать политике Соколова-Кречетова: так Ходасевич подчеркивает свою принадлежность кругу издательства «Гриф» и независимость от взглядов «мэтра», хотя даже при этом в композиции, в отдельных фразах его рецензий заметен внимательный читатель критических статей Брюсова.

С другой стороны, в некоторых рецензиях, опубликованных в «Искусстве» и «Золотом руне», Ходасевич совпадал с взглядами Брюсова. В этом случае текст печатался под псевдонимом «Сигурд» — как мы писали выше, он мог иметь несколько дополнительных функций, к примеру, указывать на то, что автор — «свой» в кругу символистов, а также включен в полемику между «Весами» и «Грифом». Ходасевич в литературном мире объявлял о принадлежности кругу Соколова, Сигурд же позволял себе быть «учеником Брюсова».

Стратегия Ходасевича меняется с пятого номера «Золотого руна» и в «Перевале»: критик больше не стремился соответствовать политике журнала и взглядам своего «патрона», а, напротив, подчеркивал позицию «ученика» Брюсова. Эта перемена совпала с работой над первым сборником стихов — видимо, Ходасевич полагал, что имя критика, лояльного «Весам», с большей вероятностью принесет успех книге, нежели имя автора круга «Грифа». «Молодость», несмотря на весьма благоприятные отзывы, сам Ходасевич не считал удачной, к тому же его имя по-прежнему ассоциировалось с кругом малоизвестных молодых литераторов из группы, сформировавшейся вокруг журналов С. Кречетова. После выхода первого сборника Ходасевич, как кажется, поменял свою стратегию: с 1908 года он начал публиковаться в журналах с широкой аудиторией. А также становится более заметным разделение поэзии, рецензий, позволяющих заработать символический капитал, и критических очерков на окололитературные темы: стихи пишет Ходасевич, а рецензии «для заработка» подписываются различными псевдонимами — с марта 1908 года «Сигурд» среди них не появлялся.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-208-217

© Е. Р. Обатнина

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ АЛЬБОМА А. М. РЕМИЗОВА «ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕНЗУРА»: ПОЛИТИКА И ЭТИКА

Первые годы, проведенные Ремизовым в эмиграции, стали не только временем кардинальных перемен в жизни писателя, но и началом значительной трансформации его творческого метода, сложившегося в дореволюционные годы.¹ Смещение ремизовского повествовательного модуса в область автобиографического материала, проявившееся еще в книгах, изданных в Берлине в 1922–1923 годах, таких как «Ахру. Повесть петербургская», «Корявка» и «Кукка. Розановы письма», приобрело доминантные формы уже в «контексте» русского Парижа.² Несмотря на отшельнический образ

¹ Библиография исследовательской литературы, посвященной дореволюционной прозе Ремизова, обширна. См., в частности: *Доценко С.* Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. Tallinn, 2000; *Грачева А. М.* Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб., 2010.

² Парижский период эмиграции Ремизова начался 7 ноября 1923 года.